

ВЕРСИЯ БОЛЬШИНСТВА

АЛЕКСЕЙ
КОРНЕЛЮК

Книги от которых не оторваться

Алексей Корнелюк

Версия большинства

«Автор»

2026

Корнелюк А.

Версия большинства / А. Корнелюк — «Автор», 2026 — (Книги от которых не оторваться)

Ника монтирует судебные признания: убирает вопросы, сокращает паузы, оставляет нужные ответы. Однажды ей поручают смонтировать признание собственного брата. Семнадцатилетнего Матвея обвиняют в катастрофе, затопившей жилой квартал. Через семь дней город проголосует. Если виновато государство, восстановление оплатят все. Если осудят Матвея, жители сохраняют свои пайки. В показаниях брата Ника находит упоминание свидетельницы. Её адрес ведёт в Нижний город — район, объявленный пустым двенадцать лет назад. Среди затопленных домов и обитаемых крыш Ника ищет женщину, способную изменить исход дела. Здесь её голос узнают раньше лица: некоторые до сих пор ждут возвращения людей, чьи признания она монтировала. Чтобы спасти брата, Нике придётся раскрыть правду о катастрофе и собственной работе. А затем убедить город защитить правду, за которую каждому выставят счёт.

© Корнелюк А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Корнелюк

Версия большинства

Версия большинства

Признание моего брата поручили монтировать мне.

Папка пришла в девять двенадцать. Я ещё не сняла пальто. В помещении было холодно, под столом сохли вчерашние носки, и техник обещал включить отопление после обхода. На экране передо мной мужчина в сером пиджаке держал ладонь на плече своего сына. Я сдвинула границы кадра, чтобы рука осталась видна, а охранник у двери вышел за край.

Сюжет требовалось сдать к десяти. Мужчину признали виновным в растрате складских запасов. Его поручители передали городу два грузовых двигателя и приняли обязательство поставить фильтры до конца месяца. Наказание заменили работами по месту службы. Теперь он должен был поблагодарить людей, которые за него вступились.

Он говорил тихо и после каждого предложения облизывал губы. В записи это выглядело плохо. Я убрала две паузы и кашель, оставила заминку перед словами о сыне. Получилось пятьдесят восемь секунд. На последнем кадре мальчик смотрел на отца, ожидая, когда можно будет уйти. Я прослушала всё с начала.

— Я благодарен поручителям за возможность возместить ущерб и вернуться к своей семье.

Слово «своей» прозвучало громче остальных. Мужчина говорил слишком близко к микрофону, и в наушниках хлопнуло от его дыхания. Я ослабила звук, проверила стык и отправила сюжет на согласование.

Новая папка оставалась в очереди. Её поместили красной полосой: «Приоритет. Южный водоотвод». Под названием стоял мой рабочий номер.

С аварии прошло двое суток. В первый день показывали воду, снятую с крыши служебного катера. Во второй — людей на пунктах размещения. Вчера я записывала подводку о сохранности центральной насосной. Текст пришлось прочитать трижды: в наушники всё время попадал стук из соседней кабины.

С Матвеем я не разговаривала с вечера перед аварией. На его служебном номере отвечала женщина из диспетчерской. Она сказала, что смену вывели с объекта и личную связь восстановят после проверки. Я оставила запрос как родственница, потом ещё один — со своего рабочего адреса. На второй пришло подтверждение: сотрудник находится в безопасности.

Я открыла папку. Сначала появилась заставка отдела расследований. Потом человек передвинул камеру, и в кадр попали край стола, чья-то папка и Матвей.

На нём был мой старый свитер. Тёмный, с заштопанным локтем. Я отдала его зимой, когда брат устроился учеником на водоотводе и выяснилось, что в операторской холоднее, чем снаружи. Мать перешла горловину, но та всё равно топорщилась у шеи.

Матвей сидел боком к свету. Волосы с одной стороны примялись. На столе перед ним стояла белая кружка без ручки. Он обхватил её обеими ладонями, хотя ничего не пил.

Я поставила запись на паузу и посмотрела на имя файла.

Астахов Матвей Сергеевич. Семнадцать лет. Ученик механика. Южный водоотвод.

В коридоре проехала тележка. Уборщица задела дверь и сказала кому-то, что здесь ещё работают. Я слышала, как она отжимает тряпку. Потом снова включила запись.

— Назовите должность, — попросил мужчина за камерой.

Матвей назвал.

— Вы находились у ручного привода южного обхода?

— Да.

— Кто открыл затвор?

Брат провёл большим пальцем по краю кружки.

— Я.

Я вернула запись назад. Прослушала ответ ещё раз, затем открыла сопроводительный лист. Итоговый материал должен был занимать не больше двух минут. Требовалось оставить должность, подтверждение доступа к механизму, признание самостоятельного открытия и осознание последствий. Внизу стоял срок первого согласования: шестнадцать ноль-ноль.

Я прочитала лист до конца. Потом сняла наушники, но Матвей продолжал двигаться на экране. Без звука он казался младше. Отвечая, он чуть наклонял голову, как делал в школе, когда боялся, что его перебьют прежде, чем он объяснит.

На внутреннем телефоне горела кнопка руководителя смены. Я нажала её.

— Мне прислали дело брата.

— Знаю, — ответил Лев Борисович.

Он говорил вполголоса. В его кабинете кто-то был.

— Это ошибка.

— Назначение пришло сверху.

— Вы можете передать другому редактору.

— Пока ничего не делай. Сейчас к тебе придут.

Он отключился. Я ещё держала трубку возле уха, когда на экране погасла запись и появилось предложение подтвердить ознакомление с ограничениями доступа. Я нажала «Подтвердить».

В комнате стало слышно, как работает вытяжка. Она давно цепляла крыльчаткой кожух. Раз в несколько оборотов возникал сухой короткий звук. Обычно я переставала замечать его через минуту.

Я набрала мать. Она ответила сразу.

— Есть что-нибудь?

На заднем плане лилась вода. Мать, должно быть, наполняла кастрюли: в нашем старом доме выдачу перенесли на утро.

— Матвей нашёлся.

Вода перестала шуметь.

— Где он?

— На записи. Мне прислали запись.

— Какой записи?

Я посмотрела на свитер и на руки брата.

— Его допрашивают по аварии.

Мать некоторое время молчала. Потом спросила, может ли он ходить.

— Я не видела. Он сидит.

— А лицо?

— Нормальное.

Я увеличила изображение. На щеке у него была тёмная полоса, но она могла оказаться тенью.

— Ты с ним поговоришь?

— Постараюсь.

— Тогда скажи, что я была у них вчера. В приёмной. Сидела до закрытия. Мне сказали прийти с тобой.

— Почему ты мне не позвонила?

— Ты работала.

Я слышала, как она поставила что-то тяжёлое на плиту. Мне захотелось сказать, чтобы она села, но я знала, что она не сядет.

— Сейчас ничего не подписывай, — сказала я. — Если принесут бумаги, дождись меня.

— Я умею читать, Ника.

— Я знаю.

— Нет. Ты каждый раз говоришь так, будто я не умею.

В дверь постучали. Я закрыла изображение брата другим окном.

— Мне нужно идти. Я позвоню.

— Скажи ему, что дома всё есть. Пусть о доме не думает.

Я записала это на листке возле клавиатуры, хотя не могла забыть. Потом положила трубку и открыла дверь.

Пришла женщина с коротко подстриженными седыми волосами. На её пальто темнели капли. Она держала тонкую папку и перчатки, сложенные одна в другую. Я видела её на слушаниях, но имени не помнила.

— Вера Павловна Архипова. Управление компенсаций.

Я отступила, пропуская её. Она поставила папку на свободный край стола. Я начала убирать кружку, листки с текстом и носки с трубы под столом, но она уже села.

— Уведомление семье ушло утром, — сказала Архипова. — Вероятно, вы получили материал раньше.

— Почему он у меня?

— Я попросила назначить вас.

Вера Павловна расстегнула пальто. Под ним был обычный коричневый жакет, на рукаве возле запястья разошёлся шов.

— Его согласие есть?

— На что?

— На то, чтобы это монтировала я.

Она посмотрела на экран, где поверх остановленного кадра лежал сопроводительный лист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.